

Пленарное заседание

И.Р. Чикалова

**«КРЕЩЕНИЕ МОИХ ДЕТЕЙ БЫЛО ДЛЯ МЕНЯ САМЫМ ТЯЖЕЛЫМ УДАРОМ»:
ПАУЛИНА И ЗИНАИДА ВЕНГЕРОВЫ –
ДВЕ ЖЕНСКИЕ БИОГРАФИИ ЭПОХИ ЭМАНСИПАЦИИ**

Процессы эмансипации в царской России, вовлекавшие в свою орбиту женщин-представительниц титульной нации, не были связаны с ломкой религиозной и этно-культурной идентичности. Иначе все выходило в среде еврейства. Эмансипация евреев, интеграция их в европейскую культуру сопровождалась выходом из иудаизма и переходом в христианство. Пионерами были мужчины. Большая же часть женщин-евреек оказывала упорное сопротивление принятию любых новшеств и до последнего выступала в качестве бережных хранительниц традиций. Другая, меньшая их часть, вовлекалась в процесс двойной – и этно-религиозной, и женской – эмансипации. Это хорошо видно на примере двух женщин – матери и дочери – *Паулины* (1833–1916) и *Зинаиды* (1867–1941) из знаменитой семьи *Венгеровых*.

Паулина родилась в Бобруйске, ее отец – Иегуда Эпштейн – был богатым подрядчиком, затем семья переехала в Брест. Там и прошло детство *Паулины*. Большую часть времени отец посвящал изучению Талмуда, написал к нему ряд комментариев. В традиционной еврейской среде возможность изучения Талмуда была важнейшим показателем статуса. Для женщин этот путь к социальному признанию был закрыт, однако определенную позицию в обществе они могли занять благодаря достойному браку. *Паулина* в 1850 г. вышла замуж за *Афанасия Венгерова*, мужа ей выбрали родители, впервые она увидела его только во время обручения. Так велела традиция, *Паулина* же находилась под большим влиянием правоверного отца. В браке *Паулина* родила троих сыновей и пять дочерей. После нескольких переездов в 1871 г. ее семья обосновалась в Минске в связи с получением мужем должности вице-директора, а вскоре и директора Минского отделения Государственного банка. В Минске *Паулина* включилась в благотворительность и меценатство, стала одной из основательниц профессионального учебного заведения для детей из низших слоев еврейства.

Через несколько лет после смерти мужа (1892), которую она воспринимала как конец собственной жизни, оставшись в Минске одна, *Паулина* взялась за написание мемуаров. Отрывок из них в 1903 г. появился в петербургском русско-еврейском журнале «Восход». Переехав к сестрам в Германию, она закончила воспоминания. Под названием «Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в.» они были опубликованы в Берлине на немецком языке [1]. Они были с интересом встречены публикой и неоднократно переиздавались. На русском языке они появились спустя почти сто лет в двух разных переводах, один из которых выполнила ее внучатая племянница *Элла Венгерова* [2; 3]. Воспоминания *Паулины Венгеровой*, в которых отражена жизнь трех поколений еврейских семей, являются уникальным источником для изучения мира восточно-европейского еврейства. При этом являются единственными женскими мемуарами периода еврейского Просвещения XIX века.

Венгерова застала патриархальную еврейскую жизнь, была воспитана в ее традициях, верность им стремилась сохранить в своем доме и с любовью воссоздала ее сцены в своей книге. «Еврейская семейная жизнь в первой половине прошлого века в моем отчем доме, как и в других подобных домах, протекала мирно и чинно, она была очень умно организована. Эта жизнь навечно запечатлелась в памяти моих ровесников. Тогда не было того хаоса нравов, обычаев и систем, который нынче царит в еврейских домах. Наша жизнь в то время была стилистически сбалансирована, в ней присутствовала серьезность и соблюдалось достоинство уникальной еврейской традиции» [2, с. 20]. Как и другие еврейские женщины старшего поколения, она не мыслила своего существования вне религии и обычаев и старалась изо всех сил сберечь традиции хотя бы в своем доме. «Женщины, каждой клеточкой своего существа, привязанные к патриархальной традиции, стремились передать ее своим детям, научить соблюдать нравственные законы еврейской религии, чтить субботу и праздники, любить еврейский язык, изучать Библию. <...> Но на все просьбы и упреки женщины всегда получали от своих мужчин один и тот же ответ: «Детям не нужна религия!» <...> Об умеренности молодые еврейские мужчины того времени и слухом не слыхали, да и не желали ничего слышать. <...> Некоторые требовали от своих жен не только одобрения, но и подчинения, покорности – они требовали от них устранения всего, что еще вчера было святыней» [2, с. 246-247].

В среде еврейства первыми в процесс интеграции в европейскую культуру включились мужчины. Через них в традиционную еврейскую семью стали проникать новые явления. И именно женщины, «мещеточковые матроны», домоправительницы, носительницы образа еврейского матриархата вставали на защиту старого уклада. В то время, как пишет *Венгерова*, «мужчины безоглядно отрекались от старого», «старые семейные идеалы исчезали», большинство еврейских женщин «были настолько глубоко проникнуты традицией и религией, что ощущали свою обиду как физическую боль, и им приходилось вести

Пленарное заседание

борьбу в самом узком семейном кругу» [2, с. 246]. Семья стала территорией, через которую пролег религиозно-мировоззренческий и гендерный конфликт. И «в семейной жизни, которая прежде текла так ровно, так патриархально, начались жестокие битвы. Многие женщины вовсе не собирались сдаваться без боя. Они предоставляли мужьям полную свободу вне дома, но в собственном доме требовали соблюдения добрых старых обычаев. Легко понять, что такая двойная жизнь не могла продолжаться долго. В этой борьбе одержал победу дух времени» [2, с. 247]. И все-таки мужчинам поколения Венгеровой было недостаточно того, что они включены в светскую и ассимилированную публичную жизнь. Они хотели искоренить еврейские традиции и в своем доме и добивались этого самыми жесткими методами: «Пропандируя в обществе современные идеи вроде свободы, равенства, братства, сами эти молодые люди были величайшими домашними деспотами по отношению к женам, от которых требовали безропотного и безоглядного исполнения своих желаний» [2, с. 247].

Хотя женщины яростно противились деспотическим требованиям своих мужей, стремившихся к изменениям, последние наступали неотвратимо. Началась хаскала, еврейское Просвещение, когда молодежь, к ужасу стариков, наряду с Талмудом стала открыто читать нараспев Шиллера, в домах стали устраиваться танцевальные вечера, в которых участвовали не только молодежь, но и семейные мужчины и женщины. «...В домах, где были взрослые девушки, стали появляться молодые люди. И в разговорах появилось больше свободы. Священный восторг, с каким прежде воспевали библейскую идеальную жену, *эйшес хайиль*, уступил место обожанию какой-нибудь опереточной дивы» [2, с. 249].

Под нажимом мужей еврейкам пришлось постепенно отказываться от привычных для их пола ролей и ценностей прошлого ради новых приоритетов. Паулина не стала исключением: «У нас в доме все происходило так же, как и в других семьях, где шла борьба за сохранение традиции, где считалось, что муж – кормилец, на нем лежит обязанность содержать семью, у него больше прав, он хозяин дома, он может просить, но имеет право требовать. И мой муж поначалу просил, а когда не добивался своей цели, то требовал исполнения своих желаний. Он становился деспотичным и часто терял всякую меру. <...> Он хотел, чтобы я «реформировала» себя и свой дом» [2, с. 271]. Особенно натиск со стороны мужа усилился, когда семья жила в Петербурге. Именно в период петербургской жизни под давлением мужа после нескольких лет сопротивления ей пришлось снять парик, который правоверные еврейки носили после замужества, и отказаться от кошерной кухни: «... один за другим из моего дома были изгнаны прекрасные старые обычаи», <...> я со слезами и рыданиями провожала их до самой последней калитки моего дома. Я долго, долго, истекая кровью сердца, глядела им вслед, словно хоронила самое дорогое, что имела. Сколько мне пришлось выстрадать, какие выдержать душевные битвы!» [2, с. 271–272].

Развернувшийся процесс ассимиляции, в результате которого часть евреев, как и ее собственные дети, порывали с иудаизмом, она воспринимала трагически: «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом» [2, с. 287]. Но без выхода из иудаизма и крещения, которые открывали для еврейской молодежи возможности образования и карьеры, поступление в университет для еврейской молодежи было затруднительным из-за существовавших ограничений (наличие золотой медали выпускника гимназии, 10-процентная норма евреев среди студентов). И материнское сердце приняло поступок ее детей – и Шимона, и Владимира, и Семена, и Зинаиды, и Изабеллы, один за другим уходивших из иудаизма: «Постепенно это страдание перестало быть для меня личной драмой. Оно все больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил» [2, с. 287].

Дочь Паулины *Зинаида Венгерова* выросла в Минске, ставшим местом окончательного пристанища для ее родителей, в 1881 г. блестяще окончила здесь женскую гимназию, в которой, как и в других, училось много евреек. Два года после ее окончания она жила в Вене, занимаясь изучением иностранных языков и литературы [4, с. 135]. Затем, как и ее старшие братья, в том числе Семен, будущий известный историк русской литературы, вышла из иудаизма и перешла в православие. В связи с тем, что в Северо-Западном крае высших учебных заведений не было даже для мужчин, переезд в столицу был следующим необходимым шагом для эмансипирующейся еврейки. В отсутствие мужа он символизировал выход из-под родительской опеки, радикальный разрыв с патриархальными устоями провинции. И этот шаг для девушки был намного более сложным, чем для юноши.

И здесь следует остановиться на еще одном структурном слое гендерного неравенства в России. Вопрос о высшем образовании для женщин государством решался однозначно не в пользу последних. В то же время в России, начиная с 1860-х гг., «женский вопрос» становится широко обсуждаемым, превратившись в постоянный пункт общественной дискуссии. Большую роль в его формулировании сыграла серия статей публициста и писателя М.Л. Михайлова, опубликованная в журнале «Современник» в 1859–1861 гг. [5–8]. С тех пор «женская тема» не сходила со страниц журналов. Решение «женского вопроса» стало видиться передовыми слоями разночинной молодежи как составная часть общего процесса

Пленарное заседание

демократизации общества. Сочувствующие «женскому вопросу» аргументировали необходимость и полезность использования на нужды общества «своих свойств и качеств женщины, которые ей даровала сама природа». Таким образом, женщина ими рассматривалась как важный социальный резерв. Правительство, тем не менее, упорствовало. По университетскому уставу 1863 г. женщинам разрешалось находиться в аудиториях императорских университетов только в качестве вольнослушательниц. Не случайно россиянки стали массово поступать в европейские, прежде всего швейцарские, университеты. В ответ правительство с тем, чтобы русские женщины, как Софья Ковалевская, не уезжали учиться за границу, согласилось под давлением Н.В. Стасовой, М.В. Трубниковой, А.П. Философовой на открытие в Петербурге высших женских курсов, дававших систематическое университетское образование по программам Петербургского императорского университета. Неофициально курсы стали называться «бестужевскими», а их слушательницы «бестужевками» по имени их учредителя К.Н. Бестужева-Рюмина.

Для Зинаиды, которая только что вернулась из Вены, где «занималась изучением иностранных языков и литературы» [4, с. 135], 1884 год стал моментом выбора дальнейших действий. С одной стороны, принятый в этом году новый университетский Устав, в отличие от предыдущего, не разрешал девушкам находиться в аудиториях императорских университетов даже в качестве вольнослушательниц. С другой, – Бестужевские женские курсы обрели большую популярность в среде разночинной молодежи. Выбор был предопределен объективными обстоятельствами, и Зинаида поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов. Лекции здесь читали лучшие профессора Петербургского университета. Кстати, одним из них впоследствии станет и ее брат – Семен Венгеров. Влияние двух профессоров, читавших лекции, станет для Зинаиды определяющим в ее дальнейшей литературной деятельности, – историка В.Г. Васильевского и историка литературы А.Н. Веселовского. Под влиянием последнего ее особенно стала интересовать английская литература. После окончания в 1887 г. Бестужевских курсов Зинаида, уехала за границу, где слушала лекции по истории английской и французской литературы в Сорбонне и в английских университетах. Получив блестящее европейское образование, Зинаида Венгерова с головой окунулась в работу.

Для многих образованных современниц в то время переводческая работа стала наиболее доступной формой реализации и способом самостоятельного содержания себя. Так и Зинаида, свободно владея несколькими иностранными языками, среди которых были французский, немецкий, английский, занялась переводами и написанием литературоведческих статей. В русских переводах, выполненных Зинаидой Венгеровой, вышло более двухсот литературных произведений, в том числе пьесы Б. Шоу, ряд книг по истории искусства и литературы. З.А. Венгеровой принадлежит первый русский перевод романа Дж. Мередита «Эгоист» (1894) и романа ирландско-английской писательницы Э.Л. Войнич «Овод» (1898). Она публиковала статьи о русской литературе в зарубежной прессе, вела рубрику о новых явлениях русской литературы в «Saturday Review» (1902–1903) в Англии. Она переводила на иностранные языки русскую литературу. В Англии в ее переводе вышли сочинения Л. Толстого.

Сотрудничая с российскими и европейскими изданиями, Зинаида Венгерова подолгу жила за границей, главным образом в Англии, где пользовалась «обширным материалом, который находился в библиотеке Британского музея» [4, с. 136]. В частности, она была в Лондоне и в 1891, и в 1893, и в 1894 гг., откуда писала своей близкой подруге Софье Болховской-Пети: «Ну-с, с Лондоном уживаюсь понемногу, и была бы довольна, если бы не отчаянная погода. Сегодня с утра непроницаемый туман: завтракала при газе, в British Museum лампы с утра – ужасно больно для глаз. Лондон теперь не осматриваю и ограничиваюсь лишь шлепанием по грязи два раза в день. Зато занимаюсь страсть как много, отдыхая лишь после завтрака и после обеда, и болтая с моими Англичанами. Здесь boarding house'ы устроены более по-домашнему, чаще встречаешься с пенсионерами, за обедом разговоры без конца, чему я очень довольна для языка» [9, р. 212]. Из очередной поездки в Лондон она пишет подруге: «Я уже несколько дней веду очень скромную прелестную жизнь – awfully steady, как говорит моя хозяйка. Уезжаю в город в 9 часов утра, работаю в музее до 5–6, потом хожу куда-нибудь в музей, на какую-нибудь выставку, затем домой» [10, р. 229]. Наиболее длительный период пребывания ее за границей охватил 1905–1913 годы, и их она провела в Англии.

Очарованная западным символизмом, Зинаида Венгерова избрала для отображения его философии наиболее близкую ей область – литературную критику, а основным объектом – малоизвестные в России западноевропейскую литературу и искусство. В своих многочисленных статьях на примере творчества западных писателей и художников она показывала черты и особенности его мироощущения: «Символизм – это все, что относится к существу, как знаку невоплотимого. Символист – это тот, кто не сливается с переживаемым моментом, не утопает в нем, а воспринимает его, как искание цели, как путь». <...> «Символизм мне казался и продолжает казаться основой модернизма, и в таком смысле я старалась истолковывать его во всех моих работах... Под знаком символизма я воспринимаю все лучшее, что созда-

Пленарное заседание

вало и создает искусство и в минувшем, и в настоящем. Это я считаю основной мыслью, объединяющей все, что я писала» [4, с. 137].

Постоянное сотрудничество у Венгеровой установилось с журналом «Вестник Европы». Дебютировав в нем в 1889 г. статьей «Джон Китс и его поэзия» [11], печатала на его страницах статьи по зарубежной литературе и с 1893 по 1909 г. вела отдел «Новости иностранной литературы», в котором «старалась, насколько это было возможно при академичности журнала, отмечать модернистские течения в текущей западной литературе» [4, с. 137]. Видимо, начало тесного сотрудничества со столь авторитетным журналом, каким был «Вестник Европы», в определенной степени связано с рекомендацией ее братом Семеном Венгеровым, а также с тем, что одна из сестер Зинаиды – Фанни – была замужем за Л.З. Слонимским – одним из его редакторов, ответственным за иностранное обозрение. Талант же молодого литературного критика позволил на долгие годы закрепиться в престижном журнале в качестве постоянного автора и оторыл двери и в другие издания. К «Вестнику Европы» прибавились «Русская мысль», «Северный курьер», «Мир Божий», «Образование», «Театральные новости», «Северный вестник» и др. Для увлеченной модернизмом Зинаиды Венгеровой недавно учрежденный журнал «Северный вестник» стал наиболее близким ей по духу. Вокруг журнала группировались русские символисты, и среди них – Николай Минский, дружба с которым у нее продлится всю жизнь. В «Северном вестнике» Венгерова опубликовала большое количество статей, посвященных представителям западного символизма, либо тем, кто, в ее понимании, являлся его подвижниками. Тесное сотрудничество с журналом продолжалось вплоть до его закрытия. В год закрытия «Северного вестника» (1899) созданный Дягилевым «Мир искусства» заказал Венгеровой перевод «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера – книги, которая первой знакомила читателей с новыми направлениями в живописи.

Статьи Венгеровой в периодической печати посвящены новым течениям в английском искусстве [12], английскому поэту и драматургу Роберту Браунингу, англо-ирландскому писателю и политику-либералу Ричарду Шеридану, ведущему писателю викторианской Англии Джорджу Мередиту [13], прерафаэлиту Уильяму Моррису [14; 15], родоначальнику английского символизма Уильяму Блейку [16], писателю, поэту, художнику, теоретику искусства Джону Раскину [17] и другим западноевропейским деятелям культуры. По отзыву известного публициста, издателя и редактора Бориса Глинского, статьи Венгеровой были написаны с большим знанием дела, вполне литературно, простым и ясным языком. Под общим названием «Литературные характеристики» в 1897, 1905 и 1907 гг. З.И. Венгерова издала наиболее значительные критические статьи преимущественно о новейшей литературе отдельными сборниками [18]. Она являлась автором статей по иностранной литературе в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и в «Истории западной литературы (1800–1910)», изданной под редакцией Ф.Д. Батюшкова [19]. В том, что модернистские настроения проникли в Россию, была и заслуга Зинаиды Венгеровой.

Она много помогала в работе своему брату, выдающемуся литературоведу Семену Венгерову, вместе с ним снабдив примечаниями выпущенные под его редакцией собрания сочинений У. Шекспира и Дж. Г. Байрона, написала предисловие к публикации пьесы Шекспира «Конец всему делу венец» [20].

При поддержке брата Зинаида Венгерова начала работать над изданием 10-томного собрания своих сочинений. Опубликованные в российской периодике статьи об английских писателях XIX века легли в основу первого его тома [21]. В связи с его выходом молодой тогда художественный критик А.Я. Левинсон в «Современном мире» писал: «Главная заслуга З.А. Венгеровой в том, что она осуществляла трудную задачу посредничества между литературой Запада и нами с умением, инициативой и выдержкой незаурядными. Ее статьи о новейших литературных школах и отдельных явлениях, знаменательных для современного движения идей, предшествовали не только их широкой у нас известности, но и трудам наших модернистов. Одна из первых (если не первая) она с сочувствием и знанием заговорила о Верлене, французском символизме, английских утопистах и эстетях. <...> Книга русского автора об английских писателях весьма полезна; между духом и формой британского художества – и пониманием русского читателя высится какая-то трудно преодолимая преграда» [2, с. 145]. Тем не менее, продолжение издания собрания сочинений Венгеровой не состоялось из-за политических катаклизмов в стране.

Зинаида Венгерова целиком интегрировалась в интеллектуальную жизнь российской столицы и с высоты опыта женщины, с юности сознательно вставшей на путь эмансипации, обратилась к ставшей актуальной в европейском обществе проблеме женской субъектности и женской свободы. Первым шагом в этом направлении была подготовка перевода и опубликование в «Северном вестнике» «Исповеди» известной общественной деятельницы Англии Анни Базант [23], отмеченной, как писала Венгерова, «английской критикой теми разноречивыми отзывами, которыми в большинстве случаев встречаются произведения, носящие отпечаток сильной индивидуальности» [24, с. 218]. «Исповедь» Базант для русского читателя могла сравниться только с другой известной женской автобиографией – дневником художницы Марии Башкирцевой, который тоже был опубликован «Северным вестником» тремя годами ранее в пе-

Пленарное заседание

реводе с французского языка. Следующим шагом в развитие темы женской эмансипации стали две собственные статьи Венгеровой – «Русская женщина» [25] во французском «Revue Mondiale» и «Феминизм и женская свобода» [26] в журнале «Образование», которые она посвятила положению женщины в современном обществе.

В обеих статьях, как последовательница философии символизма, Венгерова подчеркивает необходимость для женщин обладать качествами, стержневыми для сильной и яркой личности. Так, в первой из них она показывает, как русской женщине благодаря силе воли, богатому внутреннему миру и особой душе удается преодолевать трудности и вносить существенный вклад в развитие общества. В то же время, уравнивание женщины в правах, утверждает она в статье «Феминизм и женская свобода», есть недостающий фактор для ее освобождения: в первую очередь, женщина сама должна стать внутренне свободной и ощущать себя человеком. Закон ничего не может изменить, если ни она сама, ни общество ее таковой не воспринимают. Так, француженка, не стремясь быть личностью и предпочитая оставаться в удобном состоянии придатка мужчины, с общественной точки зрения является элементом, который не только не вносит вклад в общественную жизнь, но элементом даже разрушительным. И в то же время, пишет она, «английская женщина стала свободной, несмотря на обилие общественных предрассудков, существующих в среднем английском обществе. <...> Она всегда чувствует себя собою, не считает никакого дела выходящим из ее женской компетенции и не встречает нигде недоверия к себе, как к женщине». Таким образом, Англия является одним из примеров того, «что женская равноправность перед законом зависит от внутреннего сознания самой женщины» [26, с. 75].

Что касается Зинаиды, свободной она чувствовала себя вполне и не только в профессиональной, но и в личной жизни. Она не была замужем, но ее связывала многолетняя близкая дружба с одним из основоположников русского символизма, поэтом и писателем-мистиком Николаем Минским (его настоящее имя Николай Максимович Виленкин, 1855–1937), с которым была знакома еще с 1890-х годов. Сам Николай Минский происходил из обедневшей еврейской семьи, закончил Минскую мужскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета. Он был женат вторым браком на племяннице Венгеровой – поэтессе и переводчице Людмиле Вилькиной. Венгерова составляла им кампанию во время длительной эмиграции Минского, продлившейся с 1905 по 1913 г. «Тройственный союз» с периодами совместного проживания продолжался вплоть до смерти Вилькиной.

В 1925 г. после почти сорокалетней «дружбы» 70-летний Николай Минский и 58-летняя Зинаида Венгерова в Англии, куда она переехала в 1923 г. с помощью писателя Хью Вальпола, заключили официальный брак. О своих занятиях этого периода жизни в Англии она писала: «Моя печаль в том, что необходимость “жить” заставляет меня отдавать значительную часть времени... на работу очень прозаическую и далекую от моих дум, т.е. пользуясь знанием языков и литературным опытом, редактировать экономические статьи, переводить с английского и на английский разный объективно экономический, освещительный материал в здешних изданиях... А в свободные от этой работы часы я работаю “для себя” – приготовила литературные лекции о новой русской литературе, читала несколько лекций, в дальнейшем предстоит лекция в Шотландии... Уже после Рождества лекция для здешнего Шекспировского общества при университете. Тема моя ... «Гамлет в русском восприятии» [27].

В 1927 г. Венгерова с мужем переселилась в Париж. Она не имела детей и после смерти Николая Минского в 1937 г. переехала жить в Нью-Йорк к сестре – пианистке Изабелле Венгеровой, спустя три года завершив там жизненный путь. Зинаида Венгерова была автором множества статей и переводов, в период творческого расцвета ее имя было известно всем в России. После революции оно полностью исчезло со страниц журналов и газет и растворилось в безвестности. Интерес к ее личности заслуженно возвращается. Множество документов, относящихся к ее жизни и творчеству, сохранились, например, в РГАЛИ, где в разных фондах встречаются ее письма, в т.ч. адресованные брату Семену Венгеру. Огромный личный фонд Зинаиды Афанасьевны Венгеровой вместе с личным фондом Николая Максимовича Минского хранится в рукописном отделе ИРЛИ РАН. В нем, помимо стихов, переводов, статей, рецензий – дневник и записные книжки Зинаиды Венгеровой, письма к ней выдающихся деятелей русской культуры, а также воспоминания и переписка с родными ее матери – Паулины Венгеровой, которая незадолго перед смертью вернулась в Минск, где в 1916 г., в разгар войны, ушла из жизни. В 70-летнем возрасте она оставила после себя единственную книгу, с восторгом принятую в Германии, но надолго забытую потом. Была ли она свободна в том смысле, как воспринимала свободу ее дочь Зинаида? Наверное, да, если под этим понимать особое внутренне состояние, основанное на глубоких персональных убеждениях сильной личности. В ее случае они состояли в том, чтобы быть не прогрессивной, но консервативной, в готовности не ломать, но отстаивать традиции, сохранение и служение которым является высшей добродетелью «местечковой матроны» – типичной носительницы образа еврейского патриархата имперской провинции.

Пленарное заседание

ЛИТЕРАТУРА

1. Wengeroff Pauline. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Uden Russlands im 19 Jahrhundert. Band 1–2. – Berlin, 1908–1910.
2. Венгерова, П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века/перевод с англ. Э. Венгеровой; послесловие Г. Зелениной. – Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2003. – 350 с.
3. Венгерова, П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века/перевод с англ. Л. Высоцкого и И. Нахмансона; послесловие Б. Купермана. – СПб.: Академический проект, 2005. – 272 с.
4. Венгерова, Зинаида. Автобиографическая справка//Русская литература XX века: 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. Кн. 2. [Синтетический модернизм и богоискательство. Начало XX века]. – М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914. – С. 135–138.
5. Михайлов, М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе//Современник. – 1860. – № 4. – С. 473–499; № 5. – С. 89–106; № 8. – С. 335–350.
6. Михайлов, М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин//Современник. – 1860. № 11. – С. 221–250.
7. Михайлов, М.Л. Женщины в университете//Современник. – 1861. – № 4. – С. 499–507.
8. Михайлов, М.Л. Уважение к женщинам//Современник. – 1866. – № 2. – С. 275–319; № 3. – С. 92–129.
9. Венгерова, З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 30.01.1891 г./Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети//Revue des études slaves. – Tome 67, fascicule 1, 1995. – С. 212.
10. Венгерова, З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 18.07.1894 г./Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети//Revue des études slaves. – Tome 67, fascicule 1, 1995. – С. 229.
11. З.В. [Венгерова З.А.] Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы)//Вестник Европы. – 1889. – Кн. 10. – С. 539–573; Кн. 11. – С. 62–88.
12. Венгерова, З.А. Новые течения в английском искусстве//Вестник Европы. – 1895. – Кн. 5. – С. 192–235.
13. Венгерова, З.А. Джордж Мередит: Критический очерк//Вестник Европы. – 1895. – Кн. 7. – С. 155–176.
14. Венгерова, З.А. Новая Утопия (Вильям Морис и его последняя книга)//Северный вестник. – 1893. – № 7. – С. 249–256.
15. Венгерова, З. Вильям Морис, певец «земного рая»//Северный вестник. – 1896. – № 11. – С. 155–163.
16. Венгерова, Зин. Родоначальник английского символизма//Северный вестник. – 1896. – № 9. – С. 81–99.
17. Венгерова, З.А. Джон Рёскин, 1819–1900 гг./Вестник Европы. – 1900. – Кн. 6. – С. 674–692.
18. Венгерова, З.А. Литературные характеристики: Кн. [1]–3. – СПб: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1897–1910.
19. История западной литературы (1800–1910): В 4 т./ од ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. – М.: Тов-во «Мир», 1912–1917.
20. Венгерова, З.А. [Предисловие] Конец всему делу венец/Шекспир В. Полное собрание сочинений/Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Т. 1–5. – СПб: Брокгауз-Ефрон, 1903. – Т. 2. – С. 248–253.
21. Венгерова, З.А. Собрание сочинений. Т. 1. Английские писатели XIX века. – СПб: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
22. Левинсон, А. [Рецензия]: З.А. Венгерова. Собрание сочинений. Т. I. Английские писатели XIX века//Современный мир. – 1913. – № 2. – С. 145.
23. Базант, Анни. Исповедь//Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 215–241; № 2. – С. 229–247; № 3. – С. 222–262; № 4. – С. 209–238.
24. Венгерова, З. Предисловие: Анни Базант. Исповедь//Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 218.
25. Wengueroff Zinaïda. La femme russe//Revue Mondiale. – 1897. – Septembre. – P. 489–499.
26. Венгерова, З. Феминизм и женская свобода//Образование. – 1898. – № 5–6. – С. 73–90.
27. Нежинская, Р. Венгерова Зинаида Афанасьевна//Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь/Под ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 203–205.

М.Д. Путрова

ПЕРЕСПРОС В СВОБОДНОМ ГОВОРЕНИИ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Формально переспрос является одной из разновидностей повтора, широко распространенного явления в вербальном поведении человека. В последнее время лингвисты уделяют ему (повтору) весьма пристальное внимание. Можно даже считать пройденным тот период, когда повторы, переспросы в том числе, интерпретировались как помехи, дисфлуэнтные вставки, заполнители молчания и т.п. и из записей подлинного общения исключались, а в случаях их особой частотности могли быть отброшены и сами записи как не отвечающие неким стандартам правильного говорения. В настоящее время уже понятно, что повторы представляют собой неотъемлемую часть говорения, языка как деятельности, требующую тщательного изучения, прежде всего адекватной классификации и рассмотрения каждой конкретной разновидности в отдельности.

Переспрос, по нашему разумению, как раз и является такой разновидностью, отличающейся от других повторов своей четко очерченной иллокутивностью и выполняющей совсем другие функции в развитии диалога, чем, например, повтор-интенсификация, повтор-обдумывание, повтор-регистрация,